

Он приложил ладонь к спине Шэнь Мяня и медленно ввел в него божественное сияние. Энергия преисподней, бушевавшая внутри, была временно подавлена, и тело в его объятиях наконец согрелось.

Энергия преисподней была создана из самой холодной и разъедающей энергии смерти, закаленной за десятки тысяч лет, поэтому она боялась самой чистой и чистой божественной силы. Однако количество энергии преисподней в теле Шэнь Мяня было слишком велико, и она была бесконечной, поэтому ее можно было только временно подавить, но не полностью уничтожить.

— Возвращайся, — сказал Император Цитянь, усадив его на трон и повернувшись, чтобы уйти.

Шэнь Мянью схватил его за рукав и с улыбкой сказал:

— Я не могу вернуться. Я могу только прийти сюда, но не могу уйти.

Император Цитянь удивился.

— Ты всемогущ. Как это у тебя может не быть выхода?

Шэнь Мянью ответил:

— К сожалению, на этот раз у меня действительно нет выхода. Я использовал все свои козыри. Сколько дней это божественное сияние сможет поддерживать меня? Десять дней? Пятнадцать? Если вы можете смотреть, как невинный человек умирает здесь, то можете уйти.

Император Цитянь спросил:

— В чем твоя невинность?

Шэнь Мянью поднял бровь:

— Разве я не невинен? Разве я что-то украл или убил кого-то? Если вы говорите о падении Цзи Чанли с обрыва, то это сделал не я, и вы это прекрасно знаете. Я здесь уже больше двух лет, и все, что со мной происходило, — это то, что меня обижали. Разве это не невинность?

Мужчина посмотрел на него и сказал:

— Возможно, ты не воровал, не убивал, но ты обманул многих людей. Цзи Чанли, тот демон, Шэнь Цзюнь — все они были добры к тебе, готовы были умереть за тебя. Разве ты когда-нибудь заботился о них?

Шэнь Мянью улыбнулся:

— В ваших глазах я всегда остаюсь коварным, бессердечным маленьким обманщиком.

Император Цитянь сказал:

— Повелитель демонов только что покинул царство демонов, а ты сразу же пришел ко мне. Скажи мне, кто ты такой.

Шэнь Мянью рассмеялся, как будто никогда не слышал более точной оценки.

— Прекрасно, прекрасно. Вы правы. Я действительно такой человек.

Император Цитянь едва заметно нахмурился.

Шэнь Мянью опустил глаза и тихо засмеялся:

— Он только что ушел, а я уже пришел к вам, чтобы спасти свою жизнь. Кем я еще могу быть? Только вот, чего вы боитесь? Почему вы не смотрите на меня, не трогаете меня, спешите уйти? Вы боитесь, что, зная мою сущность, все равно не сможете устоять перед этим обманщиком?

— Вздор, — сурово ответил мужчина.

Шэнь Мянью все же подошел к нему, обнял его сзади и с вызовом прошептал:

— Вы единственное божество в этом мире, защитник этого континента. Чего вы боитесь перед таким, как я?

Лицо Императора Цитянь оставалось спокойным, холодным и величественным, но он прекрасно понимал, что в его сердце все было так, как говорил этот маленький обманщик.

Он не смел смотреть на него, не смел прикоснуться к нему. Он боялся его, боялся такого, как он.

Это была игра.

Тот, кто задумал эту игру, включил в нее даже себя, чтобы обеспечить победу.

Шэнь Мянью не мог проиграть. Он не мог позволить себе проиграть.

Император Цитянь был высоким, холодным, величественным. Его роскошный серебряный халат с золотыми драконами излучал мягкий свет, внушающий благоговение.

Но Шэнь Мянью видел в нем просто обычного мужчины. Он обнял его за талию, используя высокомерные, дерзкие слова и соблазнительный голос, чтобы дразнить это божество.

Он добился успеха.

Император Цитянь резко развернулся. Его рука крепко сжала запястье этого маленького обманщика с такой силой, что казалось, он вот-вот раздавит кости Шэнь Мянью.

На лбу Шэнь Мянью выступил холодный пот, но он не испугался и не отступил.

Он продолжал смеяться. Его улыбка была ледяной, безжалостной, но в то же время невероятно красивой. Во всем мире не найти человека, который был бы так холоден и при этом излучал такую страсть.

Даже божество, прожившее бесконечные годы, не могло отрицать, что этот странный юноша, этот маленький обманщик, действительно обладал способностью сводить людей с ума.

Император Цитянь поднял его и прижал к трону. Он смотрел на него и произнес каждое слово с ледяной четкостью:

— То, что ты хочешь, я могу дать. Но сможешь ли ты заплатить за это?

Шэнь Мянью не отводил взгляда и медленно ответил:

— Если я получу то, что хочу, то я дам вам все, что вы захотите.

Император Цитянь молчал некоторое время, затем кивнул.

— Хорошо.

Он коснулся пальцами алых губ Шэнь Мяня, его взгляд стал мрачным:

— Я надеюсь, что это не ложь.

Шэнь Мянй усмехнулся:

— Вы несправедливы ко мне. Разве я осмелился бы обмануть божество, даже если бы у меня была такая возможность?

Он улыбнулся и наклонился, чтобы поцеловать губы мужчины.

Конечно, даже ощущения от поцелуя были такими же. Он языком обрисовал знакомую форму губ мужчины, и в его глазах мелькнула улыбка.

— Император, когда вы целуете меня, вам кажется, что это уже было?

Император Цитянь знал, что эти губы снова разозлят его, поэтому он не позволил ему говорить.

Он взял инициативу в свои руки, прижал юношу к себе и проглотил его сладкие, мягкие губы, высасывая весь нектар из его рта, так что Шэнь Мянй едва мог дышать и больше не мог упоминать Повелителя демонов или говорить вещи, которые раздражали его.

Они были одним и тем же человеком, одинаково властными, и вкус поцелуя был таким же. Если вдуматься, Повелитель демонов был немного нежнее, а Император — немного сдержаннее.

Но когда дело дошло до дела, это было одинаково мучительно.

Шэнь Мянй дрожал, полностью приняв мужчину. Он подумал, что он действительно болен. Быть слишком добросовестным не всегда хорошо.

Если бы он был таким же бессердечным, как раньше, ему бы не пришлось страдать.

Ему было так больно, что он хотел плакать. Возможно, не только от боли, но и от чего-то еще.

Это древнее божество, его прекрасное лицо окрасилось страстью, а глаза, которые были спокойны тысячи лет, стали глубокими и непостижимыми, отражая красоту юноши.

Он обнял юношу за талию, крепко прижал его к себе и, думая о том, что он занимается с ним любовью только ради спасения своей жизни, стал двигаться еще сильнее. Маленькое тело в его объятиях дрожало, как будто не могло выдержать, и издавало звуки, похожие на мольбу зверька.

Святой Император, древнее божество, в глазах людей, не испытывал сострадания.

Он не хотел отпускать его, но не мог. Он вошел в юношу и не хотел выходить. Божество, которое жило в аскезе много лет, не было лишено желаний, просто оно умело скрывать их,

умело контролировать себя, и поэтому прожило бесконечные годы, как Будда, но в конце концов пало здесь.

Император Цитянь поднял его лицо. Слезы смочили его изысканные черты, а глаза, похожие на цветы персика, были полны влаги, что вызывало жалость.

Он сказал:

— Ты хочешь мою божественную силу, и я дам ее тебе. Но сможешь ли ты заплатить за это?

Шэнь Мянью поднял на него глаза. Его алые губы уже были укушены до крови. Он усмехнулся:

— Это не в первый раз. В дворце Повелителя демонов это происходило каждый день. Что тут не выдержать?

Лицо мужчины потемнело.

— Ты действительно любишь злить меня.

Шэнь Мянью сказал:

— Я действительно не понимаю, какие слова вас разозлили. Может быть, то, что я был с Повелителем демонов, вас разозлило? Может быть, вы, божество, ревнуете к такому обманщику, как я? Вы помните, что вы сказали, когда я сказал, что вы ревнуете, на берегу Реки Преисподней?

Император Цитянь смотрел на него молча.

Шэнь Мянью обнял его за плечи и шепнул на ухо мягким голосом:

— Тогда вы не обратили на это внимания и даже ввели в меня кристалл преисподней, заставив меня страдать. Если сейчас вы хоть немного любите меня, хоть немного жалеете меня, то это того стоит, потому что страдания, которые я испытываю сегодня, однажды вернутся к вам.

Сказав это, он обессиленно рассмеялся, прижавшись к груди мужчины.

Он смеялся так радостно, как будто забыл о дискомфорте внизу, как будто не чувствовал запаха крови, как будто не было боли от того, что его тело было разорвано на части.

На самом деле ему было очень больно. Ему было так больно, что мужчина заставил его страдать, и он тоже хотел, чтобы он страдал.

Император Цитянь слегка нахмурился. Он поднял изысканный подбородок и поцеловал его окровавленные губы. Он холодно сказал:

— Если этот день наступит, я буду ждать.

Мужчина перевернул его, поднял тонкие белые ноги и начал новую атаку.